

Яблоков Михаил Сергеевич

кандидат исторических наук, преподаватель колледжа искусств
Тюменский государственный институт культуры
Yablokov Mikhail Sergeevich
Candidate of Historical Sciences, Lecturer, College of Arts
Tyumen State Institute of Culture

Семешко Наталья Анатольевна

профессор, заведующий кафедрой
Тюменский государственный институт культуры
Semeshko Natalia Anatolyevna, Professor, Head of Department
Tyumen State Institute of Culture

Федотов Александр Сергеевич, старший преподаватель

Тюменский государственный институт культуры
Fedotov Alexander Sergeevich, Senior Lecturer
Tyumen State Institute of Culture

**РУССКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ.
ОБЗОР ПЕЧАТНЫХ МАТЕРИАЛОВ
THE RUSSIAN CHURCH SCHISM AND ITS CONSEQUENCES.
REVIEW OF PRINTED MATERIALS**

Аннотация. В статье показаны разные подходы в изучении старообрядчества, как следствия церковного раскола XVII века, отмечены наиболее отличительные черты представителя сообщества, имеющего основания считать себя субэтносом.

Abstract. The article shows different approaches to the study of Old Believers as a consequence of the church schism of the 17th century, and highlights the most distinctive features of a representative of a community that has reason to consider itself a subethnos.

Ключевые слова: «Среднестатистический» старовер – pro и contra. История раскола и современность. Пути сближения.

Keywords: "Average" Old Believer – pro and contra. The history of the split and modernity. Ways of rapprochement.

В краткой заметке «Раскол», помещённой в седьмом томе «Малой Советской Энциклопедии», наряду с «дежурными» заявлениями об идейной борьбе коммунистической партии против религиозных взглядов, в том числе против вероучения старообрядцев, указывается на распространение в конце XVII века изуверских (sic!) форм коллективных и индивидуальных самоубийств: самосожжение, самоутопление, «самопощевание» (голодная смерть) и т. п. [1] Известный украинский историк, правовед, общественный и государственный деятель Николай Прокофьевич Василенко (1866-1935) в 30-страничной монографии, помещённой в XXVI томе энциклопедического словаря Брокгауза Ефрона за 1899 год, помимо указанных выше форм самоубийства пишет о «самопогребении». Масштабы самосожжения поражают: с 1676 по 1683 г. г. в одном только Пошехоновском уезде себя сожгли 1920 человек, а до начала 1690-х г. г. таким образом погибло не менее 20 тысяч, (до издания указа 07.04.1685 г. – не более 3800 душ, остальные – после указа). Самосожжения встречаются на всём протяжении XVIII века, а число сгораемых за один раз иногда доходило до 2700 человек [2] Иногда правительственное преследование заставляло «энтузиастов» привести своё намерение в исполнение, а в таких случаях «гонимые» считали себя мучениками, при этом, чтобы этого добиться, они искусственно вызывали гонения, совершая какое-нибудь осквернение святыни и, когда являлась на место военная команда, они запирались и сжигались, при этом приняв меры, чтобы никто не выскочил из огня и вокруг люди видели, что «все те страдальцы с радостью горели и яко на пир, веселяся, пришли» [3].



Тот же автор сообщает о таком совете протопопа Авакума, «благословляющего» на самоубийство: ... а в огне то здесь небольшое время потерпеть. Боишься печи той? До печи страх, а когда войдешь, забудешь всё». Его советы находили ревностных последователей: «О, братья и сёстры! Полно вам плутать и откуп попа давать, своё спасение возлюбите и скорым путём с жёнами и детьми в Царство Божие теките! Великий страдалец Авакум благословляет и вечную вам Память воспеваает; течите да все огнём сгорите!» [4] Считая самосожжение в огне, равным христианскому мученичеству, «идеологи» подобных форм крайнего изуверства, согласно разрозненным сведениям, зачастую умудрялись оставаться в живых, предпочитая отложить собственное «спасение» через очищение в огне, до лучших времён. Именно такой точки зрения придерживается профессор кафедры религиоведения ТюмНГУ С. П. Суровягин, переводя самосожжение в категорию «жертвоприношение». В своих публичных лекциях в 1990-2000-х г. г. Станислав Павлович убедительно и последовательно развенчивал «ореол романтизма» страдальчества за чистоту Православной веры в структурах современного старообрядчества, солидаризируясь с категоричной позицией святителя Никона (Рождественского), (в миру Николай Иванович Рождественский (1851-1919), духовного писателя, богослова и публициста. Как и своё время Архиепископ Никон, так и в наши дни религиовед С. П. Суровягин отстаивают традиционные ценности канонической Православной церкви Московского патриархата, не разделяя горделивого самомнения отдельных приверженцев так называемой, «старой веры», якобы, только и сохранившей в своих недрах апостольскую чистоту.

Характерно, что в наши дни тенденция представить явление старообрядчество в более привлекательных тонах если не набирает силу, то остаётся в большой степени за рамками беспристрастного исторического и культурологического исследования. Свидетельство тому – это и памятник протопопу Авакуму (скульптор Мильченко С.) в Тобольске, ежегодные издания научных сборников «Мир старообрядчества» силами издательского отдела при историческом факультете МГУ и т. п. На наш взгляд, одной из причин повышенного интереса к структурам раскольничьей церкви является её относительная закрытость и обособленность, наряду с высокими требованиями дисциплины и соблюдения нравственных норм в более значительной степени, чем в окружающем мире, «лежащим во зле».

Следует отметить, что раскольнические сообщества в нашей стране, ещё в 1950-1960-х г. г. сохранившие свою самобытность и значимость, согласно энциклопедической заметке 1959 года, составляли три, не сообщающихся между собой объединения, отделённые, как и Московская патриархия, от государства: 1) Белокриницкая иерархия; 2) беспоповцы, не признающие духовную иерархию (в ней наибольшее число членов); 3) беглопоповцы, перешедшие из греко-восточной церкви [1].

Если составители вышеуказанной энциклопедии ограничились упоминанием лишь трёх «базовых» направлений русского раскола, то в словаре Брокгауза-Ефрона мы находим группы из «вредных и особо вредных» сект. К последним относятся духоборцы, молокане, иконоборцы, иудействующие, немоящиеся за Царя, хлыстоскопцы и те, которые признаются вредными для общества [5].

Меры против раскольников в 1680-х г. г. включали сжигание в срубе, ссылки в монастыри, а увлекающих людей к самосожжению – сжигать самих [6], то к началу XX века «гонения» на верующих, не состоявших в числе прихожан в официальной синодальной церкви, – стали носить чисто формальный и увещательный характер, что выражалось в устных беседах православных священников или в публикациях епархиальной печати.

В 66 томе Православной энциклопедии за 2022 год доктор филологических наук Елена Михайловна Юхименко (1959 г. р.) поместила трёхстраничную статью о старообрядчестве, где дополнительно к вышеуказанным «магистральным» направлениям добавляется организованная в 1923 году архиепископом Николой (Поздневым) так называемая Русская Древлеправославная церковь. Также указывается на то, что наиболее многочисленным объединением в настоящее время является Русская православная старообрядческая церковь, которая приемлет Белокриницкую иерархию. География приходов охватывает не только



территорию РФ, но и ряд зарубежных стран: Китай, Канаду, США, Бразилию, Уругвай, Аргентину, Австралию [7] Автор статьи акцентирует внимание на значительном вкладе русского старообрядчества в развитии отечественной экономики и освоении значительных территорий на окраинах государства. Это и купцы, промышленники, среди которых наиболее известными стали династии Морозовых, Рябушинских, Кузнецовых, Гучковых и другие [8] К числу ярких личностей из наставников (sic!) и писателей Елена Михайловна указывает, среди прочих, на протопопа Авакума, о «неоднозначности» учения которого мы сообщали в начале настоящей работы. Согласимся с Е. М. Юхименко в том, что старообрядчество сыграло огромную роль в сохранении древнерусского культурного наследия – икон, рукописных и печатных книг, предметов церковного быта, традиций церковной музыки. К последнему можно добавить огромный архив бытовой песенной культуры, «рассыпанной» в устных источниках народного творчества и бережно хранимых ныне в коллекциях фольклорных экспедиций, среди которых значительное место занимает фонд тюменского профессора ТКИК Л.В. Дёминой (более 1000 единиц хранения).

Наряду с фундаментальными исследовательскими работами и художественными произведениями отечественных авторов – С. А. Зеньковского («Русское старообрядчество»), П. И. Мельникова-Печерского (автора информационно насыщенных романов «В лесах», «На горах» и др.), в перечне литературы о старообрядчестве указано более 20 единиц публикаций в рамках научных конференций и отдельных изданий. (там же)

Можно согласиться с установкой Е. М. Юхименко на подчёркивание в своей статье более привлекательных сторон в истории русского старообрядчества, однако, при постановке задачи на более объективное освещение этого явления в жизни нашей страны следует привлечь к исследованию и иные источники и материалы. К числу последних можно отнести и «свидетельские показания», полученные в разное время как в процессе живого общения с выходцами из старообрядческих поселений, в частности, Сибирского региона, так и из публикаций в научных сборниках.

Соглашаясь с убеждением профессора УрГУ Ниной Адамовной Миненко в том, что, несмотря на свою неоднородность, «массив» старообрядцев представляет собой один из самобытных субэтносов великорусского народа, мы выделяем наиболее характерные отличительные черты как в поведенческом, так и в религиозно-нравственном облике «среднестатистического» старообрядца. Так, в многочисленных беседах с потомками тюменских и уральских «двоедан», особенно с теми, кто интересуется историческими дисциплинами *, мы приходим к выводам о наличии у большинства чувства обиды, нанесённой их предкам властными структурами при полном отсутствии «состава преступления». Указывая на факты сожжения и само сожжения, дискусанты убеждены в подтасовке фактов с целью дискредитации носителей «истинной веры». Данные обстоятельства коррелируют с фактами «нежелания молиться за Царя», а в предреволюционное время – активного участия выходцев из старообрядческих семей в антиправительственных организациях, о чём многократно пишет московский православный исследователь Сергей Владимирович Фомин и другие историки.

Другой характерной чертой, на наш взгляд, является повышенный «градус» работоспособности и ответственности в деловой сфере. Вместе с тем, мы считаем преждевременным полагать о бескорыстных целеполагающих установках в этой сфере, что также подтверждается беседами с опрашиваемыми. Иными словами, «трудиться на дядю» мы бы не желали.

В беседах с православным священником о. Михаилом (Курочкиным, 1952-2015) мы спросили, есть ли среди старообрядцев лица, причисленные церковью к лику святых, – а батюшка очень тепло относился к этому сообществу, – иерей ответил, что ему такие факты неизвестны, а протопоп Авакум считается таковым только лишь в среде своих почитателей. Тюменский священнослужитель о. Владимир (Язов) также согласен с предыдущими, добавляя, что от Божьего Суда не спасает даже мученичество за неистинную веру. Суммируя сказанное, с неизбежностью приходим к убеждению о наличии у большинства этого



«контингента» более высокого «градуса» гордыни, одного из самых неприемлемых для христианской веры грехов. Оставаясь формально православными, старообрядцам, по нашему убеждению, предстоит пройти нелёгкий путь по «переформатированию» своего духовного генокода, выработанного сначала в результате отпадения от Единой Апостольской церкви, а затем закреплённого многовековой самоизоляцией с полным убеждением в свое правоте и непогрешимости.

Да, сегодня мы наблюдаем достаточно интенсивное общение между «чадами» Православной церкви Московского патриархата и староверами «разных мастей», что, к примеру, в нашем регионе видно из сотрудничества митрополита Тобольского и Тюменского Димитрия, и епископа Корнилия, однако, до полного, (в отличие от воссоединения РПЦ и РПЦЗ в 2011 г.) слияния ветвей некогда единого церковного организма, к сожалению, ещё далеко. Если культурная в историческом ракурсе роль старообрядчества не является темой дискуссий, то в религиозно-нравственном и социологическом аспектах предстоит проделать немалую работу с тем, чтобы осуществить полноценный диалог на пути плодотворного сотрудничества в решении государственных задач.

* Из этических соображений мы упускаем имена наших респондентов

Список литературы:

1. Малая Советская Энциклопедия. Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия, Москва. 1959, Том 7, с. 910
2. Василенко, Н. Раскол. Энциклопедический словарь. Типография акционерного общества «Издательское дело, бывшее Брокгауз-Ефрон». Санкт-Петербург. 1899, том XXVI, с. 294
3. Василенко, Н. Указ. соч. с. 293-294
4. Василенко, Н. Указ. соч. с. 293-294
5. Василенко, Н. Указ. соч. с. 298
6. Василенко, Н. Указ. соч. с. 296
7. Юхименко, Ю. М. Старообрядчество. Православная энциклопедия. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». Москва.2022, том 66, с. 116
8. Юхименко, Ю. М. Указ. соч. с. 117

